

Церковь интровертов

Почему среди нас нет более Иоаннов Кронштадтских

Я – просто прихожанка Русской Православной Церкви, не обладающая какой-то особой инсайдерской информацией, – и особого интереса у меня к таковой нет (ниже станет понятно почему), и даже слухи о внутрицерковных проблемах, действительных или надуманных, доносятся до меня глухо. Однако я представитель некой тенденции в современной церкви, которая затрагивает большинство прихожан: тех самых традиционалистов и консерваторов, на которых наша Церковь стоит. И большинство это во многом молчаливое, живущее некоторой своей, порой явно противоречащей тенденциям современного общества жизнью. Оно имеет свое мировоззрение, во многом общее для этого молчаливого большинства. И, выступая на церковную тему в светском журнале, я хочу попытаться это церковное большинство объяснить. Из этого объяснения станет понятно и то, почему в наше время нет проповедников, которые имели бы общероссийское значение, почему те, кто имеет в Церкви большой авторитет, почти не известны за ее пределами.

Итак, попытаюсь объяснить! Кто мы, православные традиционалисты? На нас на всех, не разбираясь, вешают множество ярлыков, называют царебожцами, православнуктыми и тому подобное. Нам навязчиво тыкают в лицо шикарной машиной, купленной некоей игуменьей, и удивляются, почему мы без особого интереса на это реагируем. Наверное, мы совсем зомбированные, забытые и вообще с головой у нас не все в порядке? Да, есть и такое замечательное выражение – «православие головного мозга», – это как раз про нас, да? Почему мы не видим попов на мерседесах?

Про «попов в мерседесах» – самый простой вопрос. Они, попы на мерседесах, наверное, есть, но они вне нашего, подавляющего большинства обычных православных, поля восприятия, мы с ними не соприкасаемся, а живем своей жизнью, где видим приходских батюшек, озабоченных тем, как оплатить коммуналку за храм, подкрасить его, залатать крышу, хористам заплатить и своих детей прокормить. Впрочем, о частной их жизни мы мало знаем и не очень ею интересуемся. Что до каких-то мерседесов? Из моего рассказа станет ясно, почему нам мало интересны мерседесы.

Говорят о множестве проблем в Церкви. И я здесь о некоторых из них скажу. Но начну с одного своего недавнего впечатления, которое, если в него вдуматься, заставит на проблемы смотреть чуть в другом ракурсе. Впечатление, впрочем, привычное, просто недавно я о нем задумалась. Шла служба в небольшом старинном храме одного маленького провинциального городка, где я уже постоянная прихожанка. И собралось нас человек двадцать женщин уже в возрасте, самого простого вида и человек пять – семь пожилых таких же мужчин, да пара помоложе, интеллигентного вида (о, наш маленький городок – большой культурный центр!), да наш веселый блажененький Гена: в таком составе мы

собираемся из раза в раз. Ни на что не претендующий, ласковый, смиренный и улыбчивый батюшка. Еще в городе две церкви, там та же картина с какими-то вариациями. Стоим мы перед храмом, поскольку батюшке из-за карантина велят служить на улице, и он служит, когда погода позволяет, а коли дождь, так уж внутри храма. Раньше прихожан было много, и толпа наша выглядела куда разноцветнее. Но в карантин, прихожан осталось совсем немного. Регион у нас не столичный, и службы в карантин ни на день не прерывались. Но остались мы в небольшом количестве, в основном немолодые и немодные, те только, кто не смог в церковь не ходить. Но вот она – Церковь. Эти неяркого вида мужчины и женщины в основном за пятьдесят, сухой остаток. Те, кому Христос сказал: «Не бойся, малое стадо!».

Кто помнит церкви советских времен? Десяток-другой-третий старушек, редко – старичок-другой забредет. Но о них Христос сказал: «Соль земли». Те самые старушки, которых называли женами-мироносицами советских времен, те, кто остались со Христом. Старушки, которыми земля русская держалась.

Соль земли... А солон ли соль? Вроде как и не очень... Так себе. Но все-таки приглядимся!

Что у нас в голове? Среди этих неярких вроде пожилых женщин вместе и простые работницы-крестьянки, и местная интеллигенция: учительницы, врачи, музейные работники. Кто-то совсем простой, а кто-то книжный человек. Таких книжных – не так мало. Гораздо больше, чем может показаться внешне тому, кто видит в прихожанах серую толпу. Круг чтения, конечно, у каждого по вкусу, но есть и общие приоритеты, которые определяют некие общие доминанты мировоззрения. И прежде всего подчеркну: это мировоззрение очень интровертно, направлено внутрь и относительно мало социально. Отсюда и сила православных – она в том, что нет той власти, которой бы удалось уничтожить это «малое стадо», его малая зависимость от внешнего. Отсюда и видимая слабость – относительно слабые связи даже среди прихожан (можно годами ходить в одну и ту же церковь и оставаться для всех незнакомцем), довольно выраженная дистанция между духовенством и прихожанами (и, в свою очередь, между духовенством и священноначалием), а также видимое расхождение по фазе между православными и современной жизнью.

Есть вот такое расхождение по фазе... Не всегда выход православных на социальную арену выглядит вполне адекватным. Тому есть глубинная причина – именно в интровертности православных, и потому – в некоторой искусственности их экстравертных проявлений. Уточню, что имею в виду: православные христиане могут иметь, конечно, самый разный психологический склад, и среди них немало открытых общительных людей. Но вот их Православие сосредоточено внутри. Это не то, что они стремятся первым делом проявить перед внешним взором. Средний православный на людях вообще не сильно проявляет свою православность, если только тем, что в пост старается избежать скоромной пищи да тихо помолиться, желательно, чтобы другие и не заметили. Ориентированные на внешних акции не так часты, и порой их проводят люди не вполне воцерковленные. Есть, конечно, и любители вразумлять, но таких никак не большинство.

Откуда интровертность современных православных, и является ли она особенностью нашего времени? Прежде всего тут сложно сравнивать, поскольку до 1917 года подавляющее число населения считало себя верующими. Однако если знать жизнь русской деревни того времени, например, то говорить, что там было много сознательно верующих, было бы ошибкой. Была традиция, что очень хорошо, и о чем я буду еще говорить. А о числе тех, кто верил сознательно, можно судить только по тому, сколько верных осталось к концу двадцатых годов, когда уже иссякла сила инерции. Конечно, слишком самонадеянно сравнивать нас, нынешних христиан посткарантинного времени, и христиан постреволюционной эпохи, но и в том, и в другом случае нужно говорить, что мотивом нахождения в

Церкви является и для тех, и для других уже не сила традиции и не мода. Мода на Православие безвозвратно прошла, а идеологический тренд в обществе совсем иной. Но меня сейчас интересуют те, кто составляет костяк Церкви, то есть те, кто и в начале XX века, и сейчас имел внутренние причины находиться в Церкви. Они тоже были интровертами. Во всяком случае в том, что касалось их духовной жизни. Сейчас эта тенденция, возможно, нарастает, поскольку становится все более доступна духовная литература, которая настраивает на интровертность духовной жизни. А в Православии книга, чтение имеют огромное значение!

Что читают православные? В значительной мере – древних отцов-аскетов и современных (от XIX века до нынешних дней) старцев, канонизированных или нет, а также о старцах – российских, греческих (их много) да грузинском (Гаврииле Самтаврийском (Ургебадзе)). Суть этого чтения состоит в обращении к внутреннему миру, внутреннему деланию, преодолению прежде всего своей греховности. Эти книги учат погружать внутрь себя. XX век прославился блестящей старческой традицией, идущей от более ранних афонских старцев через преподобного Силуана Афонского как ее кульминации, преподобных Софрония (Сахарова), Иосифа Исихаста, Паисия Святогорца, Порфирия Кавсокаливита, Ефрема Катунского и других. Вот нередко круг чтения тех простецких мужчин и женщин за пятьдесят преимущественно, кто в масках или без масок собирался в церкви в период карантина, соблюдая социальную дистанцию часто не по своей воле, а ввиду малочисленности: маленькая церковь вдруг стала такой просторной! Из них не все, конечно, люди книжные, но таких, повторю, очень немало.

Насколько они понимают то, что читают? В большинстве своем плохо понимают, поскольку речь идет о вещах бесконечно высоких: высшей аскетике и мистике. Но за последние уже лет двести, когда проблема проникновения аскетической и мистической литературы в достаточно широкие православные круги возникла, сложилась и некоторая традиция восприятия и применения такого опыта в повседневной жизни. Конечно, получается успешно далеко не всегда, нередко «косяки», такие как младостарчество и подобное. Вот появилась фигура схимонаха Сергия Романова, которая являет собой средоточие многих церковных проблем. Но все воцерковленные православные – и те, кто стоит в воскресенье на литургии перед нашей церковью (а в дождик внутри церкви), – так или иначе, больше или меньше, чуть удачнее или вовсе враскосяк примеряют себя к духовной жизни и азам аскетике. Да-да, вон та тетка в цветастом платье – тоже, она пытается бороться с недобрыми помыслами, «отсекать» их, как написано в тех книжках, которые она читала, считает недопустимой обиду на кого-либо ни было, прикусывает язык, если с него срывается какое-то недоброе слово, вычитывает длинные домашние молитвы и (о, конечно, не каждый день, всегда что-то отвлекает, но...) пытается прочитать сотницу Иисусовых молитв по своим потертым уже четочкам.

Тетка добрая, только несколько неловкая в общении. Но порой те, кто ее видит, как-то сразу привешивают ярлык: «вредная!». Потому что она резко другая. Представьте, насколько ее менталитет отличается от менталитета ее соседок по двору, которые все свободное время смотрят шоу по телевизору. Впрочем, она об этом помалкивает. Но порой ее воспринимают как живой укор себе. Наверное, тут есть и ее вина, поскольку она только делает первые шаги в духовной жизни и малого достигла, но есть и нечто объективное. Но, как говорит Христос: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15:19). Патриарх Кирилл недавно сказал: «Как только мы станем говорить то, что приятно слышать сильным мира сего, никакой критики в адрес Церкви не будет. Все моментально исчезнет, на руках носить будут». Это относится не только к «сильным», но и к «слабым», к тем, кто сегодня громко возмущается «попами на мерседесах» (коих никогда в своем подавляющем большинстве и не выдвигали).

Помню, как, услышав звон церковных колоколов, один пьяненький мужичок начал громко вопить, как он ненавидит попов. Чует, какая дистанция отделяет его от Церкви. Так, глядя на тетку (ту, что в цветастом платье!), которая нередко более добра и снисходительна, чем окружающие, кто-то начинает заводить песню, как злы церковные бабки. И нет способа объясниться, оправдаться не только из-за теткой интровертности, но и из-за объективной разности реальностей, в которых современные люди обитают. При почти общем одобрении аборт, так называемых гражданских» браков (блуда), попустительском отношении ко многим другим вольностям в морали, будь то и очевидная нечестность, и мелкое мошенничество, тетка наша одним своим существованием напоминает, что грех – это грех. И тут смычка между Церковью и миром невозможна принципиально.

Тетка наша, конечно, не без греха. И вообще ситуацию мы представляем несколько идеализированную. Конечно, тетка тоже живет обычными заботами о хлебе насущном, имеет профессию, трудится и отдыхает, нередко погружаясь и в обычные для мира удовольствия. Но есть что-то, что резко отделяет ее от этого мира, который все более сползает в грех. Это то, что в мире этом она барахтается, сопротивляется, внутри себя пытаюсь построить совсем иной мир. Жизнь тетки, когда она борется с собой, – весьма внутренне напряженная и, если хотите, полна приключений.

Те же аскетические книги учат: смотри внутрь себя, не выглядывай чужих грехов. И тетка честно старается не обращать внимания на чужие недостатки. Конечно, не получается, но она себя принуждает, одергивает. «Не судите, да не судимы будете!». Возникает опять же несколько проблемная ситуация, когда порой тетка избегает иметь собственное мнение о поведении другого, по крайней мере если нет прямой обязанности его иметь. И тут, если случится на приходе «поп с мерседесом» (где-то, наверное, такие встречаются?), то она может его «мерседесом» просто-напросто не интересоваться. Что, конечно, внешне кажется странным и, конечно, не способствует налаживанию связи с внешним миром. Жизнь – внутри себя и в кругу самых близких. Это не стопроцентное правило, есть личности, весьма внешне активные, но активность эта не имеет большой поддержки внутри православной общины.

Потому оказываются среди города в два-три десятка тысяч населения сотня таких «православнотых» чудаков, и кажется, что на город они никакого влияния не имеют и иметь не могут, так – какие-то странные...

У кого-то из прихожан есть духовники, это особая тема. Есть и псевдодуховники (младостарцы), но, думаю, значение этой проблемы сильно преувеличено теми же светскими СМИ. Есть священники, которые стараются организовать жизнь прихода и руководить ею. Но в большинстве случаев отношения прихожанина со священником построены внешне на тех же механизмах интровертности. Непосредственно прихожанин и священник сталкиваются на таинстве исповеди, где прихожанин перечисляет свои грехи, более обращаясь к Богу, чем к слушающему его священнику, а священник, выслушав прихожанина, может просто совершить Таинство, может сказать прихожанину несколько слов или дать совет, ну, и в вопиющем случае, отказаться от совершения Таинства. Так это выглядит внешне.

Вся жизнь нашей Церкви внешне может показаться очень сухой. Собравшиеся в ней интроверты не проявляют и доли той внешней доброжелательности, которая свойственна, например, протестантам (говорю без осуждения). Наши прихожане на одном приходе порой едва знакомы друг с другом. Если смотреть на Церковь внешне, то может показаться, что люди в ней – функции, выполняющие predetermined Церковным Уставом действия и взаимодействия. Это так, опять же, если убрать духовную компоненту. Только она живо связывает всех членов Церкви, делая их участниками Таинств. Каждое же Таинство – чудо, а чудо лежит вне земного внешнего измерения.

Когда в центре духовной жизни стоит Таинство, когда оно мерило ее ценности как реальная встреча с Божественным, с Христом, что все члены Церкви так или иначе переживают и понимают, это накладывает свой отпечаток на всю их жизнь. И если сравнивать, скажем, с XIX веком – началом XX, то осознание этого многократно выросло. Это не значит, что выросло качество участия в Таинствах, может быть, люди не переживают больше мистического опыта – скорее меньше, – но они больше знают и больше осознанно дорожат Таинственной жизнью. Потому тем большее значение в глазах простых мирян начинает играть Священное Предание, каноны и уставы. А это значит, что в Церкви формируется устойчивое ядро традиционалистов. Конечно, не всегда приверженность канонам сопряжена с тем, что мирянин их сколько-нибудь удовлетворительно знает. Тут дела стоят далеко от идеала. Но есть сердечная приверженность Церкви, которая стала гораздо более осознанной после советского лихолетья. И уже в наши дни – более осознанной после карантина, чем до него. Церковный же традиционалист мыслит в понятиях, которые весьма далеки от трендов нашего времени. Очевидно, что остается часто непонятым, а порой и не очень стремится, чтобы его понимали. И намечается пропасть...

Православные с людьми мирскими вместе только в каком-то своем измерении, более или менее важном: соседском, профессиональном, порой родительском – когда дети вне Церкви, порой приятельски-дружеском – когда вне Церкви старые друзья, но у них есть измерение, которое еще более важно: они люди Церкви. Они имеют свою жизнь, свою тайну, которую порой даже хранят от мирских. Да, пропасть... Вполне естественно желание ее перескочить. Кто-то пытается это сделать.

Вполне закономерно и похвально желание говорить на языке, всем понятном, и быть открытым к новому. Но сколь оно реализуемо? При нынешних трендах развития общества это было бы непросто. В XIX – начале XX века, когда жил святой праведный Иоанн Кронштадтский, народные массы в своем большинстве существовали еще в рамках православной традиции. Они выходили из нее, отдалялись от нее, но еще помнили и имели возможность вернуться. Поэтому общие исповеди, которые проводил прав. Иоанн Кронштадтский, имели огромное действие. Да, тенденция и в его время вела все дальше и дальше от Церкви, что привело к трагическим последствиям и для государства. Но традиция была на слуху. Блаженная Матрона Московская, о которой прав. Иоанн говорил как о следующем столпе Православия в России, и она имела еще слушателей, которые могли найти в своем опыте, в своей памяти то, о чем она говорила. Были еще великие проповедники – такие как прп. Паисий Святогорец – в Греции. Были и есть почитаемые старцы и старицы – столпы Православия – в России, но даже самые известные из них – такие как о. Николай Гурьянов, о. Иоанн (Крестьянкин), о. Кирилл (Павлов), м. Сепфора (Шнякина), – они вне Церкви были уже менее слышны. Их люди вне Церкви практически не воспринимают. Невозможно представить, чтобы эти поздние старцы и старицы обратились к толпе, как обращался прав. Иоанн Кронштадтский.

Да, толпа времен Иоанна Кронштадтского, может быть, неслась в направлении к общественно-политической пропасти быстрее нынешней, но она еще владела понятиями (пусть и начинала отекать от них, но еще понимала), через которые до нее можно было донести главные смыслы Православия. Нынешний человек, не какой-то особенно безнравственный или расхристаный, отнюдь не бунтовщик, как то было среди народа начала XX века, наоборот, конформист, признающий какие-то остаточные нормы морали, проникшие в его голову через советскую еще призму, – он просто не понял бы, о чем вообще прав. Иоанн Кронштадтский говорит. Потому что чтобы просто понять, о чем речь, надо иметь некоторые из тех понятий, что транслирует церковная традиция с ее аскетически-мистическими доминантами, которые понимают еще лишь те немногие интроверты, кто собирается у церковных стен, когда это стало

уже не модно, не круто, а в период карантина и как бы асоциально. Потому что этика в Православии неотделима от догмата и мистики.

В годы, когда Церковь вдруг стала модной, она нашла мало сущностного понимания у вполне моральных постсоветских людей. Многие обратились к ней, не всегда только следуя общей тенденции, а порой искренно желая что-то получить для души – что-то приятное. А получили известие, что все они грешники, которым каяться и каяться. И оказались в церковных общинах – обществе таких же, как они, грешников, которые порой не добрее, не лучше, не чище, не светлее (с чего бы, на самом деле?), чем они сами. То есть обществе, далеко не всегда самом приятном. А жизнь бурлит, в ней так много притягательного, так многое манит. И вроде по нашей секулярной совести ничего страшного, подумаешь! Ан, грех. И изволь каяться, а впредь обходить (что-то такое приятное! Да и что тут такого!) стороной. Нет, не обошел – опять к исповеди! И мысли: «Что же это! Все время меня виноватят! Что ни сделаю, тут же виноват». Вот уже комплекс вины – все ведь мы слышали про комплекс вины! Кошмар!!! И несчастный бежит из Церкви, как будто из царства тьмы, – на свет, на воздух! Не поискать ли чего другого, где... ну, можно и с приятностью!

Человек просто не желает принять понятие греха. Он не то, что исправлять себя не хочет (до этого еще далеко!). Он само понятие греха в глубине своей совести не приемлет. Потому что в советские годы его вытравивали. Прав. Иоанн Кронштадтский обращался к толпе, каждый человек в которой, каким бы пакостником и развратником он ни был, твердо знал, что есть грех. А значит, не был безнадежен для проповеди. Сегодня толпа состоит из духовных инфантилов, которым хочется чего-то привлекательного. Как им кажется, про любовь. Для них Христос – это только Кто-то, безусловно любящий и милующий (как, по доктору Споку, безусловно должны любить свое дитя мама с папой, даже если это дитя последнее отребье). И Он, конечно, не сделает «бо-бо», не заставит нажать комплекс вины. О, нет-нет, Христос не тот, Кто говорит о грехе, о греховности человеческой природы, которую калёным железом надо выжигать – Такой разве любит? Тот, Который говорит, что я могу пойти в ад («где плач и скрежет зубовой»), я, который никого топором не зарубил, а просто жил, как все, и слегка грешил... грешил и грешил. И не мешайте мне слегка грешить! И вот идет толпа тех, кто, как все, «широким путем» в ужасе отворачиваясь от «пути тесного».

Прошу читателя меня простить за это лирическое отступление, но без него не понять, почему Церковь сегодня вызывает такое отторжение, почему все недостатки людей Церкви видятся, как сквозь увеличительное стекло, и подавляющее большинство современных людей не слышат проповедь.

Кстати, что с комплексом вины у церковных людей? Что, они так с ним и живут, те прихожане, которые остались в Церкви, когда прошла мода? Они, конечно, тоже грешат. «Яко несть человек, иже поживет и не согрешит», как сказано в заупокойной молитве. И конечно, когда они согрешают, у них появляется чувство вины. Но это не комплекс (сложность), это что-то простое и ясное, с чем (если быть честным с собой) понятно, как обходиться. Вся аскетическая литература про то, как бороться с грехом. И когда такой церковный человек, согрешив, испытает чувство вины, он думает о том, как тот же грех второй раз не совершить, будь то грех большой или маленький, связан ли он с приятными ощущениями или нет, то есть принимает решение исправиться. Вот и вся разница, но какая! О том, что такое грех, можно говорить только с теми, кто готов принять решение исправиться, когда это неприятно. Вовсе не факт, что он действительно исправится с первого и даже второго-третьего раза, но перед ним лежат как бы «прописи»: церковная традиция полна проверенных рецептов, как это сделать, надо лишь дойти до этого и очень захотеть эти рецепты воплотить в жизнь, потому что хотя они и надежны, но часто неприятны и требуют честности и напряжения сил и воли. И церковный человек с большим или меньшим усерди-

ем к себе эти «прописи» применяет. Комплексам вины тут нет места: человек встраивает себя в традицию, где перед тысячами до него стояли те же самые проблемы (ничуть не уникальные!) и где наработаны пути исправления. Но такие пути, где порой требуется ломать себя. Ибо природа человеческая греховна, и легких путей Господь нам не обещает. Зато комплексам вины места нет: человек действует в рамках традиции, проверенной до него сотнями и тысячами таких же, как он. Тех, кто шел этим определенным Церковью путем и пришел ко Христу. Я, конечно, представляю некоторую идеальную схему, все в жизни сложнее и запутаннее, но тенденция такова. Даже если не тенденция в реальном ее воплощении, то некоторая идеальная тенденция, которую каждый приноравливает к себе как правильную и желательную.

В начале XX века еще народ, почти все его представители за исключением самых отвязных, эту традицию к себе примеряли и если не осуществляли на практике, то в качестве идеальной в уме своем имели, хотя бы иногда. Было представление, что человек должен покаяться и изменить свою жизнь. Что путь к Богу только такой. Сейчас просто нет такой ментальной тенденции. И исчезла она не сейчас, когда порой открыто насаждается торжествующая безнравственность, а также происходит откровенная дебилизация населения. Исчезла еще в советское время, когда нас воспитывали вроде бы на нравственных примерах, культивировали многие ценные и хорошие качества, и даже учили мыслить и оценивать.

Сейчас много говорят о том, что советская нравственность во многом была основана на нравственности христианской. Это заблуждение. Было, казалось, много общего, но ключевые понятия подменялись. И эта подмена так и осталась укорененной в нравственности постсоветских людей, которая остается очень далекой от того, что лежит в основе понимания добродетелей церковными людьми, чему учит православная традиция. Прежде всего в основе советской нравственности лежит гордость. Гордость, конечно, многозначное понятие, но в данном случае имеется в виду личная гордость, самолюбие. Когда нас, советских детей воспитывали, прививая множество добрых качеств, наши воспитатели апеллировали к нашей гордости и нашему самолюбию, которое и должно было, не слишком проявляя себя вовне, стать каркасом нашей личности. Нет, конечно, это был не вульгарный эгоизм, нас как раз учили быть альтруистами. Конечно, это не было самолюбованием или хвастливостью – нас учили быть скромными. Но это некоторое чувство самодовольства (его лучше всего выражает фраза, которую говорили положительные герои: «Если бы мне удалось прожить свою жизнь снова, я прожил бы ее так же», – никогда в жизни православный человек подобного не скажет!), некоторого чувства достоинства, самоуважения – в общем, всего того, что так ценится в людях (лучших людях!) и сейчас, но что катастрофически противостоит христианскому смиренному сознанию своей худости (свт. Антиох говорит: «яко семя тли во мне есть»). Последнее, кажется, не укладывается ни в какие рамки. Но только оно дает возможность жить, имея понятие греха, собственной греховности в качестве ежедневного, постоянно актуального. Постсоветский человек, чтобы прийти к этому пониманию, должен пережить реальный немалый жизненный толчок, часто вдребезги разбивающий его самолюбие, что в понимании православного есть особая милость Божия («Сердце сокрушено и смиренно Бог не унижит» – Пс. 50:19). Иначе Слову Божию очень трудно пробраться в душу постсоветского человека. И что самое парадоксальное, нередко чем у человека крепче его советского закваса нравственность, чем в большей степени он является «хорошим человеком», тем труднее ему приблизиться к Церкви.

Но «хорошие люди» тоже хотят иметь свою религию. Есть светская религия как вероисповедание так называемой интеллигенции: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке». Чаще всего она сопряжена с идеологическим либерализмом, понимае-

мым как идеология человеческого достоинства (сопряженного порой с самолюбованием). Но часть этой интеллигенции пришла в церковь вместе со своей либеральной (во многом пересекающейся с советской) нравственностью, поставив себя «хорошими людьми в церкви». Людьми, которым понятие греха не вполне понятно. Они ставят свои приоритеты в Православии так, чтобы греховность человеческой природы ушла на второй план. Они говорят много верного, но не льстивы ли их речи? Они любят рассуждать о любви и свободе – категориях, важнейших для Православия. Но в православном понимании любовь и свобода, как ее видит человек, как он сейчас есть, эмпирический человек, искажены, поскольку человек этот сам искажен грехом. Вот это основная точка, которая разделяет в Церкви либералов от традиционалистов. Все остальное – следствия. Тут две разные картины мира! Две разные антропологии, две разные теологии. Их соприкосновение заставляет традиционалистов еще крепче держаться за традицию, за каждую ее букву, ведь они чувствуют, что традицию – основу их мировоззрения – хотят из-под них выбить. Либералы чувствуют, что традиция им противостоит, мешает выражать свое мировоззрение.

Дело тут именно в общем мироощущении, а не в наборе точек зрения. Вот, например, вопрос, как приступать к Причастию. Либерал стремится все по возможности упростить. Доводилось читать и про такую точку зрения, думаю, не слишком редкую, что человек всегда должен иметь возможность причаститься. Зашел он в Церковь, поспел на Литургию только к «Отче наш» и смело приступает, потому что на душу ему так легло. Традиционалист вообще не склонен придавать слишком большого значения тому, что легло ему на душу, именно потому, что себя в своем эмпирическом состоянии не слишком ценит, считает саму свою природу греховной, а потому полагается на Священное Предание и традицию, например, принятую в Русской Православной Церкви и многожды опробованную, как готовиться к причастию: с исповедью, постами, длинными молитвами.

Полагаю, к слову, что тут есть определенное соотношение и политического либерализма с консерватизмом, поскольку в подавляющем большинстве своем традиционалисты – консерваторы по своему политическому мировоззрению, а либералы – они либералы и есть. Суть тут в том, что для либерала он сам по природе хорош: ему могут противостоять темные косные массы, но его личность призвана к свободе и творчеству, ничем не ограниченному. В основе этого мировоззрения лежит тезис, идущий от эпохи Просвещения, что человек по природе хорош, надо лишь устранить то, что делает его дурным. Современные либералы редко копают столь глубоко, им важно, что «хороши» по природе они сами и те их друзья, с которыми они «возьмутся за руки». Основой консервативного мировоззрения является убежденность (в тех или иных пределах), что человек такое существо, которое надо ставить всегда в определенные рамки, встраивать в традицию, поскольку твердой убежденности в исходной доброкачественности человеческой природы у консерватора нет.

Кстати, либералы своим поведением на практике подтвердили этот тезис (лучше бы они, конечно, этого не подтверждали!). Вспомним, что до расцвета постмодернизма политические мыслители часто писали о современности как о новой традиции (например, такие мысли есть у Ш. Айзенштадта). И вот на Западе уже готов набор мировоззренческих штампов, весьма жестких рамок, в которые должно встраиваться либеральное мировоззрение, некая либеральная псевдотрадиция. В России часть штампов уже усвоена, но многие вызывают еще недоумение и у самих либералов. Они-то хотели просто свободомыслия, которое опять же оправдано тем, что человек по природе хорош, и свобода мысли приведет к добру. (Церковные традиционалисты уверены, что мысль, отпущенная в свободное парение, – причина всех бед. Это то, что в аскетике называется мечтаниями, через которые грех и проникает в человека.) Мировоззренческие штампы, которые либералам навязывает «современная традиция», так же проистекают из идеи «хорошести» человека,

только доводят эту мысль до абсурда. «Естественного человека» Просвещения сменяет противоестественный человек постмодерна, где не просто нет греха, а где грех – хорош, ибо, дескать, «пусть расцветают все цветы».

Конечно, подавляющее большинство наших церковных либералов до такой степени «свободомысля» не дошло, но они вольно или чаще невольно несут в Церковь мировоззрение, ей в основе своей противостоящее.

На основе своего мировоззрения церковные либералы мечтают построить свою церковь, вытеснив «ретроградов» за пределы Церкви. Поэтому некоторые из них поговаривают о том, что неплохо бы спровоцировать в Церкви «небольшой раскол», в который бы ушли традиционалисты, недовольные либерализацией порядков в Церкви. А поскольку таковая либерализация благодаря критической массе традиционалистов в ней и среди мирян, и среди духовенства затруднена, с точки зрения некоторых либералов, может быть желательна и провокация.

Теперь я скажу несколько слов о современных проблемах Церкви, не вдаваясь в конкретную фактологию (поскольку не претендую быть в этом вопросе достаточно компетентной), но затрону мировоззренческие вопросы, ментальный план проблемы. Во-первых, это вопрос об Украинском расколе, который привел к тому, что раскол наметился во всем Православном мире. За ним стоят открытые враги нашей Церкви, светские политики, более или менее осознающие последствия своих действий, церковные политики, которыми двигало стремление возвеличить себя, – не буду об этом говорить. Не буду вдаваться в канонические вопросы, об этом писали многие и гораздо лучше, чем могла бы написать я. Скажу лишь о том, что произошло в результате и чего еще не все замечают, хотя оно лежит на поверхности.

Вернемся к тем православным интровертам, которые строят свое мировоззрение на основании той аскетической литературы, которую читают, а читают некоторые из них много. Мы опять же не будем касаться вопроса, насколько удачно строят они свое мировоззрение, тут у всех по-разному. Нам важно лишь, что в основе его лежит представление о собственной греховности и необходимости грех преодолеть, – это азы. Круг этого чтения, а значит каналы передачи традиции, как я уже перечисляла, составляют Святые Отцы – богословы и аскеты преимущественно византийского времени (в основном греки), ряд авторов XIX – начала XX века (преимущественно русские) и ряд авторов XX века и теперь уже начала XXI (среди которых снова немало греков). Поскольку все греки, которых читают наши церковные традиционалисты, так или иначе связаны с горой Афон, то авторитет Афона в их глазах до недавнего времени был огромен. При этом подробных сведений, чем живет Афон, у них, как правило, не было. Определенная мифологизация Афона присутствовала. Афон становился мерилom истины. Принятие украинских раскольников рядом авторитетнейших, вызывающих пиетет монастырей Афона и невнятность позиции многих других вызвала глубокое недоумение и до сих пор во многом не осмыслено. Так же, как и последовавшее затем принятие украинских раскольников Элладской Православной Церковью. Возникла тенденция опереться на национальное Православие, принизив значение греков. Но это, конечно, дурной выход из положения. А положение реально безвыходное: надо признать и те высочайшие вершины, которых достигла духовная жизнь греческих монахов, особенно в последние десятилетия, и ее огромное влияние на мировоззрение современных российских православных, но надо признать и то, что некоторые из последователей этих духовных гигантов совершили крайне малопонятный шаг, отрекшись от канонически верующих украинцев (в значительной мере ориентированных на Россию) и поддержав с подачи Вселенского Патриарха раскольников. Это большое и неразрешимое сегодня недоумение, перед которым стоят российские православные. К тому же проблема эта слабо артикулируется, поскольку в

результате интровертности современных православных (которая принимается как достоинство) нет никакого механизма даже для простого обмена мыслями по поводу проблемы – она загоняется внутрь.

Последнее само является неразрешимой проблемой. Молчаливость современных православных традиционалистов, обсуждение проблем Православия, да и мира в целом, только в узких кружках, ведет к тому, что провоцирует мифотворчество, которое естественно возникает при недостатке информации, и направленность которого может быть несколько неожиданна. Реагировать же на него, как-то корректировать намечающиеся отступления от канонического порядка невозможно, поскольку во многом этот стихийный процесс до времени почти не имеет внешних проявлений. Так, например, как стал неожиданностью для священноначалия феномен схимонаха Сергия Романова.

Между тем и сам этот феномен есть лишь симптом (и, может быть, еще слабый симптом) большой проблемы, которая грозит тоже превратиться в неразрешимую. Что, впрочем, во многом неизбежно, ибо реальность последних дней, напоминающая апокалиптическую, ставит перед Церковью сложнейшие проблемы. Я не знаю, кто стоит за схимонахом Сергием, с кем он связан, чью позицию выражает, но в качестве симптома он отразил скрытое (а иногда и явное) недовольство большинства православных позицией некоторых из числа священноначалия, которые закрыли храмы на Страстной седмице и Пасхе и отступили от канонического порядка преподания Святых Таин – Причастия. То есть нарушения в глазах многих важнейших составляющих традиции. На фоне того, что православные, как и все, наверное, хотели услышать какое-то объяснения происходящему, убеждаясь, что даже при том, что коронавирус – печальная реальность, пандемию сильные мира сего использовали в целях, далеких от медицинских (и порой принимающих апокалиптический характер), для чего опасность заражения вирусом, очевидно, преувеличивая. Опять возникли вопросы, остающиеся без ответа. Может быть, наше счастье, что схимонах Сергий повел себя слишком явно неадекватно, и это не способствовало его поддержке среди большинства православных и не вызвало большой смуты. Но напряженность остается и остается она не высказываемой или высказываемой только в узком кругу.

Я очертила эти две проблемы, которые реально гораздо более конфликтогенны, чем «попы в мерседесах», вызывающие мало интереса. Они проистекают во многом в контексте интровертности православных, затрагивают сами основы мировоззрения православных традиционалистов и способствуют тому, что рядовые прихожане все более погружаются внутрь себя. Говорю это без осуждения, ибо, похоже, нет человеческих путей разрешения этих проблем. Все в недоумении. Только Господь, если захочет, сможет их разрешить.

Получается, что Церковь и общество все более расходятся. Церковь, однако, вот она: открыта для каждого желающего. Желающего приложить усилие и вникнуть в ее учение, применить его к своей жизни. И столкнуться при этом со многими недоумениями (но то симптом нашего сложного времени: меньше ли недоумений у мирского человека, если он умеет видеть и мыслить). Сомневаюсь, что Церковь вновь станет громогласна. Я приветствую современные миссионерские тенденции в Церкви, но отношусь к ним скептически. Общество не готово услышать Церковь, и разделение здесь глубокое, лежащее в самых основах мировоззрения. Кто-то на индивидуальном уровне преодолевает их не без труда, но маловероятно, чтобы они были легко преодолены на уровне общества. Попытка была сделана в 1990-х, сейчас идет откат. Церковь же, в свою очередь, все более интровертна – и в хорошем смысле, поскольку традиция претворяется в жизни человека в его глубинах, в тишине, где человек может услышать голос Бога, и в смысле, я бы сказала, трагическом, поскольку пребывает в глубоком недоумении, вглядываясь в нынешние времена с их апокалиптическими признаками. И так она в преддверии неминуемых грядущих катастроф стоит и ждет, кто сам в нее войдет, не имея уже таких проповедников, каким был святой

праведный Иоанн Кронштадтский в преддверии крушения исторической России. Ждет, кто присоединится к этой небольшой группке простецких теток и дедов, собравшихся вокруг простоватого улыбчивого батюшки, – «малому стаду», которое Христос призвал не бояться. Группке готовых со всеми своими смятениями и недоумениями, но шагнуть в неизвестность будущего земного... где будут бури, и устоит только Церковь, ибо «врата адовы не одолеют ее».

Аннотация. Статья посвящена тому, что такое современная Церковь – возможно, Церковь последних времен, каковы ее прихожане, каков их психологический склад, круг чтения, мыслей, представлений. Где проходит водораздел, отделяющий их от «мира» и «хороших мирских людей», которые тоже стремятся быть нравственными? Мы видим этот водораздел в осознании понятия греха, применении этого понимания к своей жизни. Корень различия «церковных традиционалистов» и «церковных либералов» в разном отношении к греху, за которым стоят две разные теологии и две разные антропологии. Первые ориентированы на аскетическое учение церкви, которое все более проникает сейчас в жизнь мирян, вторые вольно или невольно впитали в себя понимание «естественного» человека Нового времени, который в силу новейших тенденций превращается уже в человека противоестественного. Исчезновение из общественного сознания понятия греха делает невозможной и проповедь, подобную той, мастером которой был святой праведный Иоанн Кронштадтский. Церковь и мир все чаще говорят на разных языках, церковные люди все более становятся интровертами, нелюбимыми и не понимаемыми миром. Это то, о чем говорил Христос: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир». Трагичность этих слов все более проявляется в наши времена, когда, похоже, начинают сбываться апокалиптические пророчества.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православные, святой праведный Иоанн Кронштадтский, традиция, церковные традиционалисты, церковные либералы.

Svetlana V. Lourie, MA in History, PhD in Culturology, Leading Researcher, the Sociological Institute of RAS. E-mail: svlourie@gmail.com .

The Church of the Introverts

Why there are no longer such figures as John of Kronstadt among us

Abstract. The article is devoted to the issue of contemporary church, perhaps the church of the recent times, to the issue of its parishioners and the characteristics of their psychological disposition, scope of reading, thought and ideas. Where is the marking line that divides them from the “secular life”, from “good laypeople” who also aspire to be moral? We see this marking line in the realization (awareness) of the conception of the sin and the use of this realization in everyday life. The root of difference between the “ecclesiastical traditionalists” and “ecclesiastical liberals”, that are connected with two diverse theologies and two diverse anthropologies, lies in the different attitude to the conception of sin. The traditionalists support the ascetic church doctrine that now more and more penetrates the parishioners’ life, and the liberals, voluntary or involuntary, absorbed the idea of the Man of the New Time, natural man, who due to the newest tendencies is gradually turning into an “unnatural man”. The disappearance of the concept of sin from the public conscience makes it impossible to deliver such sermons as the Saint Holy John of Kronstadt. The church and the laypeople tend more and more to talk past each other, the ecclesiasts turn more introvertive, unsociable and misunderstood by the world. Jesus Christ also spoke about this phenomenon: “If you were from the world, the world would love its own, but I chose you from the world, so the world hates you”. The tragic aspect of this saying becomes more evident in our time that has certain apocalyptic traits.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodox Christians, the Saint Holy John of Kronstadt, Tradition, Ecclesiastical Traditionalists, Ecclesiastical Liberals.